

I. ROZPRAWY I ANALIZY

Елена Л. Березович
(Екатеринбург)

КАК МЕНЯЮТСЯ ОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ РУС. САМОЛЮБИЕ)

Na przykładzie rosyjskiego konceptu *samolub'e* (miłość własna) autorka omawia prawidłowości dotyczące transformacji konceptów aksjologicznych w wymiarze czasowym, przestrzennym i społecznym. W słownikach rosyjskiego języka literackiego XVIII–XXI w. udokumentowane są istotne różnice w ewaluacji znaczenia słowa *samolub'e* – od uznawania miłości własnej za wadę w XVIII wieku do zrównania znaczenia tego leksemu z poczuciem własnej godności w końcu wieku XX. Autorka podkreśla zwłaszcza kontrast między użyciem słowa *samolub'e* w gwarach ludowych z jednej, a w języku współczesnej reklamy z drugiej strony: w dialektach *samolub'e* jest wartościowane wyraźnie negatywnie, podczas gdy w języku reklamy otrzymuje ocenę pozytywną – *samolubivyyj* to ktoś, kto wysoko się ceni i jest wymagający w sprawach materialnych oraz pragmatyczny życiowo.

SŁOWA KLUCZOWE: wartości, język reklamy, tradycyjna kultura rosyjska, miłość własna

Есть такие «ценностные» слова, значения которых, казалось бы, не должны испытывать сдвигов во времени, пространстве и социуме. К их числу априорно можно отнести рус. *самолюбие*. Предположение о его смысловой неизменности (или минимальной изменчивости) основывается на двух аргументах – понятийном и собственно языковом. Первый состоит в том, что самолюбие предполагает обращенность человека к самому себе, а это «чувство», если не ахронично, то, по крайней мере, в самой малой степени зависит от изменений политической, социальной и культурной жизни общества. Второй аргумент в том, что слово *самолюбие* на всех этапах своего существования в языке сохраняет про-

зрачную внутреннюю форму, что, как известно, должно «сдерживать» развитие значения.

В то же время статья, предлагаемая вниманию читателя, посвящена как раз смысловым вариациям, которые наблюдаются у этого слова в различные периоды времени и в разных социальных стратах. За словом *самолюбие* стоит такой мощный и многогранный концепт, что для его исчерпывающего описания понадобилась бы обширная монография. Поэтому в рамках статьи будут приведены лишь некоторые иллюстрации к тезису об изменчивости концепта, наблюдаемой вопреки априорным соображениям, изложенным выше.

Анализ концептуального наполнения слова *самолюбие* в современном русском литературном языке на фоне некоторых других слов из его синонимического ряда (в первую очередь *достоинства* и *гордости*) осуществлен А. В. Санниковым в (НОСС: 292–297; Санников 2006: 447–454). Принимая во внимание выводы А. В. Санникова, мы реализуем иные хронологические и социолингвистические параметры исследования: во-первых, будет предпринята попытка наметить закономерности изменений смыслового наполнения слова *самолюбие* во времени; во-вторых, будет рассматриваться судьба этого слова в иных, нежели русский литературный язык, пластах, контрастных по отношению друг к другу – русских народных говорах и языке современной рекламы. Рамки исследования будут расширены в указанных аспектах, но сужены в смысле охвата языковых проявлений концепта: нас интересуют не все его стороны, а только оценочный компонент в его составе¹.

I. Анализ словарей русского литературного языка конца XVIII – нач. XXI вв. позволяет увидеть некоторые изменения в оценке *самолюбия*, которая представлена в словарной дефиниции, иллюстративном материале, оценочных пометах.

Так, первый из интересующих нас словарей, «Словарь Академии Российской», фиксирующий язык конца XVIII в. (годы издания – 1789–1794), дает к слову *самолюбие* относительно нейтральную дефиницию ‘любовь, пристрастие к самому себе’, но снабжает его контек-

---

¹ Оговорим особенности подачи контекстов из публицистических, художественных произведений, текстов рекламного характера и из живой речи диалектоносителей. Если контекст извлечен из какого-либо лексикографического источника, то приводится паспортизация соответствующего словаря. Если контексты берутся из «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ), то паспортизирующие пометы опускаются. Если же они извлекаются из различных Интернет-сайтов (как правило, это «ходовые» тексты, отмеченные сразу на нескольких сайтах), то ставится помета (ИС).

стом ярко негативного свойства (он является единственным): *Самолюбие есть порок, ослепляющий разум* (САР 6: 20).

В. И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка», составленном в середине XIX в., включает резко отрицательную оценку в собственно дефиницию: *самолюбие* ‘самострастие, пристрастие к себе, суетность и тщеславие во всем, что касается своей личности; щекотливость и обидчивость, желание первенства, почета, отличия, преимуществ перед другими (*себялюбие* больше относится к корысти)’: *Полюстив самолюбию его, можно им управлять. Где затронут самолюбие его, там уж он не уступит* (Даль₂ 4: 134). В эту же статью включены обозначения субъектов самолюбия – *самолюб*, *самолюбей*, *самолюбка*, *самолюбница* – ‘человек самолюбивый, честолюбивый, который любит почет и лесть, везде хочет быть первым и требует признания достоинств своих, ставит себя выше других’: *Самолюб никому не лоб* (Даль₂ 4: 134).

В «Толковом словаре русского языка» (1935–1940) Д. Н. Ушакова *самолюбие* представлено как ‘высокая оценка своих сил, сочетающаяся с ревнивым отношением к мнению о себе окружающих; чувствительность к мнению окружающих о себе’: *Человек большого самолюбия. Ложное самолюбие. Болезненное самолюбие. Щадить чье-н. самолюбие*. «Этого, пожалуй, автору не говорите, из сожаления к молодости и авторскому самолюбию, самому беспокойному из всех самолюбий: нужен талант, а его тут и следа нет» <И. Гончаров> (Ушаков 4). Как видим, отношение к описываемому феномену несколько улучшилась: базовый компонент дефиниции – ‘высокая оценка своих сил’ – не содержит отрицательного отношения к объекту описания; негативная нотка добавляется во второй части дефиниции (‘ревнивое отношение к мнению окружающих’), а особенно – в контекстах.

Очередное повышение оценки (и весьма существенное) ощущается в следующем по времени лексикографическом произведении – «Словаре русского языка» С. И. Ожегова. В одном из ранних изданий (1953) *самолюбие* трактуется как ‘чувство собственного достоинства, соединенное с ревнивым отношением к мнению о себе окружающих’ (Ожегов 1953: 640). Как видим, дефиниция отождествляет *самолюбие* с *чувством собственного достоинства*, которое имеет однозначно положительную оценку (ср. *достоинство* ‘совокупность свойств, характеризующих высокие моральные качества, а также сознание ценности этих свойств и уважения к себе’ – Ожегов 1953: 151). Для положительной оценки важна морально-нравственная составляющая, которая не проявлялась в более ранних определениях *самолюбия*. В то же время оценка

в представленной дефиниции амбивалентна за счет сохранения компонента 'ревнивое отношение к мнению окружающих'.

Интересно, что в дальнейшем слово *ревнивый* изымается из дефиниций *самолюбия*. Ср. толкование «Словаря современного русского литературного языка», данное в 1962 г.: 'чувство собственного достоинства, обычно сочетающееся с повышенной чувствительностью к мнению о себе окружающих' (ССРЛЯ 13: 110). Повышенная чувствительность «мягче» ревности (последняя в большей степени, чем первая, мешает субъекту здраво реагировать на мнение окружающих), что дает возможность оценке, отраженной в дефиниции слова *самолюбие*, подняться еще на шагок вверх.

Очередное повышение градуса оценки, отраженное в «Толковом словаре русского языка» (2007), происходит за счет включения в дефиницию слова *самоуважение* и исключения из нее упоминаний о ревнивых или чувствительных реакциях самолюбивого человека на чужое мнение: *самолюбие* 'чувство собственного достоинства, самоуважения, самоутверждения' (ТСлРЯ: 853).

Другой словарь рубежа XX–XXI вв., «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка», в целом солидарен с этой трактовкой. *Самолюбие* включается в один синонимический ряд с *гордостью* и *достоинством* – с общей для ряда дефиницией 'свойство человека Y, состоящее в том, что он осознает свою ценность в качестве X-а и ведет себя так, чтобы другие люди тоже признавали эту его ценность» (НОСС: 292). При этом в словаре демонстрируется и оценочная амбивалентность слов из данного ряда. Указано, что ряд *самолюбие* – *гордость* – *достоинство* соприкасается со следующими рядами синонимов и отдельными лексемами: 1) *самоуважение*; 2) *тщеславие, честолюбие, амбиция, претензия* ('настоячивое стремление получить признание другими каких-л. свойств, качеств, достоинств, приписываемых себе'); 3) *самомнение, самонадеянность, самоуверенность*; 4) *эгоизм, себялюбие*; 5) *высокомерие, надменность, кичливость, заносчивость, спесь, чванство, гонор*. Лексема *самоуважение* оценивается положительно. Лексемы рядов 2)–5) в большей или меньшей степени выражают отрицательную оценку поведения или свойств человека со стороны говорящего (НОСС: 292).

Анализируя материалы словарей в плане оценочной окраски изучаемого слова, отметим еще словарные пометы, описывающие оценку, при подаче производных от *самолюбия*. Так, в ССРЛЯ включены суффиксальные производные с резко негативными суффиксами со значением пренебрежения и уничижительности: разг., уменьш.-пренебр. *самолю-*

бъице: «И тут на первом месте самолюбъице – грош, фальшивый грош, никому не нужный» (1873) <М. Мусоргский>; разг., уменьш.-уничиж. *самолубъишко*: «У них ни патриотизма, ни любви к литературе, а одно самолюбъишко» (1888) <А. Чехов> (ССРЛЯ 13: 111). Как видим, при указанных словах даются контексты XIX в.; в современные словари эти производные не включены, поскольку ощущаются как устаревшие.

Итак, в словарях русского литературного языка конца XVIII–нач. XXI вв. ощутима временная динамика оценочного компонента в значении слова *самолубие*. Оценка с течением времени неуклонно повышается – от осознания самолюбия как порока до приравнивания его к чувству собственного достоинства. Несмотря на «позитивизацию» *самолубия*, словари показывают оценочную амбивалентность этого слова: негативный компонент измеряется остротой реакции самолюбца на чужое мнение.

Выводы об оценочном наполнении *самолубия* в русском литературном языке есть смысл дополнить беглым анализом особенностей контекстной семантики слова. О **негативной оценке** свидетельствует способность слова образовывать оценочные сочетания с прилагательными *непомерный, неумеренный, неумный, больной, болезненный, раздутый*, описывающими чрезмерную, по мнению говорящего, степень свойства: «Я запнулась, не желая произносить слова, могущего задеть ее большое самолюбие» (1901) <Л. Чарская>; «Из всего, что Львов рассказывает о Задунайском, можно вывести, такое о нем заключение: великий ум, необычайная твердость души, огромные познания, но черствое сердце и непомерное самолюбие» (1806–1809) <С. Жихарев>; «Его природные душевные качества – постоянная неудовлетворенность и болезненное самолюбие – теперь, под влиянием объективных обстоятельств, еще более развились и обострились» (1998) <Ю. Елагин> и др. Самолюбие негативно, когда оно имеет целью свою выгоду в ущерб другим – и противопоставлено той черте, которая несомненно положительна как для русской классики, так и для советского времени (особенно для него) – **самоотверженности**: «В основе благородных чувств лежит человечность, самоотверженность и глубокая снисходительность к людям» (1881–1882) <М. Салтыков-Щедрин>; «Я лично ручаюсь за высокие нравственные и гражданские достоинства, за честность и самоотверженность каждого из них» (1986) <А. Сахаров>; «Это то инвариантное, что унаследовано из глубины веков и как нравственный эталон дошло до нас в обогащенном советской цивилизацией виде: приоритет идеальных побуждений, служение общему делу, высшим идеалам,

социальная справедливость, солидарность, нестяжательство, аскетизм, самоотверженность, дисциплина» (1992) <Л. Сигал>.

В то же время возможна **положительная оценка** самолюбия. Так, слово может сочетаться с прилагательным *здоровый*, указывающим на нормальную степень свойства: «Здоровое самолюбие человеку необходимо» (см. об этом в НОСС: 294); ср. также «Здоровое самолюбие дарит жизнь, большое – живет разложением» <Л. Сухоруков> (ИС). Самолюбие считается положительной чертой только в том случае, если оно становится двигателем позитивных в волевом или этическом плане поступков, созидательной деятельности. У «хорошего» самолюбия «деятельностная» природа: «*Самолюбие*, в отличие от *гордости*, способно обозначать свойство человека, заставляющее его действовать, решать возникающие проблемы: „Самолюбие заставляло его тренироваться каждый день по нескольку часов”» (НОСС: 293). Ср. примеры из художественных текстов и публицистики: «Приятнее всего было мне прочесть отзывы журналов о „Записках маркера”, отзывы лестные. Радостно и полезно тем, что побуждало к самолюбию и деятельности» (1855) <Л. Толстой>, «Я чувствую себя создателем, и это льстит моему самолюбию» (2003) <И. Олейников>, «Но они в любом случае выполняют важную воспитательную роль – будят у местных самолюбие и желание работать» (2002) <Е. Бирюкова>. В тех ситуациях, когда самолюбие созидательно, оно, как правило, помогает человеку преодолеть себя в каких-то сложных обстоятельствах: «По окончании старцевой речи прервалось молчание, тронутое самолюбие юношей заставило каждого стараться разрешить задачу с верными доказательствами: дав слово, что ежели оные опровергнутся и докажется им, что они неправы, то последовать тому, что от него повелено будет» (1782) <Н. Новиков>, «Все держалось на самолюбии и крайней необходимости» (1983–1984) <В. Песков>. Работа, стимулируемая самолюбием, нередко предполагает соревнование: «Педагогическая дисциплина вся направлена к тому, чтобы развить самолюбие воспитанников и заставить соревновать друг другу тех из них, которые по природным своим способностям могут выйти на эту арену; остальные должны сидеть смиренно и не мешать» (1856) <К. Ушинский>. Ситуации, в которых проявляется самолюбие, нередко щекотливы и неоднозначны в этическом плане, но оно иногда помогает не сломаться, выйти из них с честью: «Пришла горькая пора отрезвления и правильной самооценки – мы нищие, мы отстали от Запада во всем на десятки лет, и единственное, что у нас есть, как это ни странно, – самолюбие, чувство собственного достоинства и патриотизм» (2000) <Э. Рязанов>, «Наконец самолюбие мое, жестоко уязвленное,

заставило меня встать со стула и отклоняться» (1793) <Н. Карамзин>, «Особенно привязан к ней я не был (через пять лет, в Берлине, я ее по небрежности потерял), но на меня смотрели из окон, и пыл молодого самолюбия заставил меня сделать то, на что сегодня бы никак не решился» (1954) <В. Набоков>. При этом способ достижения цели может оцениваться негативно: «Как и всех своих детей, она очень любила его, но именно потому у нее кипело сердце и ей хотелось возмутить его, задеть его самолюбие, оскорбить, – лишь бы заставить придать цену ее словам и ее понятию о жизни» (1902) <М. Арцыбашев>; «Оскорбляя беспрестанно самолюбие других народов, вы заставите наконец их очнуться от их непонятного и позорного сна» (1830) <М. Загоскин>.

Количество контекстов, в которых проявляется положительная оценка деятельности природы самолюбия, со временем (особенно к концу XX–нач. XXI в.) увеличивается. Обнаруживаются тематические сферы, наиболее богатые такими контекстами. В их числе **спортивная сфера**: «Главное в том, что спартаковцы ни рвения, ни спортивного самолюбия даже и не пытались демонстрировать» (2002) <Л. Александров>; «Ему очень тяжело, но запас скорости есть, самолюбие тоже» (2011) <Н. Зетилев, «Советский спорт»>; «У ребят есть самолюбие и желание закончить чемпионат с медалями» (2011) <В. Антонов, «Советский спорт»>; «Самолюбие помогло амбициозному „Арсеналу“ обыграть „Шахтер“» <В. Евтушенко> (ИС). В числе ценных качеств тренера по спортивной борьбе выделяют «убежденность, уверенность, активность, коллективизм, общительность, обостренное чувство чести, долга, самолюбие, доброжелательность, требовательность, ответственность, порядочность, гуманизм, принципиальность, патриотизм, интернационализм, трудолюбие, скромность, самокритичность» <Г. Туманян> (ИС). Есть устойчивое сочетание *спортивное самолюбие*, которое тождественно, по сути, спортивной чести: «Спортивное самолюбие по-своему сопряжено с чувствами ответственности, долга и чести. Эти чувства для человека одаренного, с присущим ему конкретным восприятием действительности, обращены, как правило, к родным, друзьям, перед которыми никак нельзя ударить в грязь лицом» (ИС); «Я надеюсь, что все будет по-спортивному <...>. И у немцев, и у датчан есть спортивное самолюбие, ни о тех, ни о других я никогда не слышал, что были такие договорные матчи» (2008) <Э. Кокшаров> (ИС).

Амбивалентная оценка самолюбия ярче всего проявляется в контекстах, авторы которых рассуждают о возможности / невозможности причислить самолюбие к числу пороков. Самолюбие – порок, если из него вырастают эгоизм и презрение к другим: «<...> я знал его над-

менный характер и обращение свысока с провинциальными актерами и, признаюсь, боялся за свои отношения с ним, потому что мое самолюбие успело вырасти выше головы – порок, коим наша профессия одержима более всякой другой» (1930) <Ю. Писаренко>. Самолюбие оценивается положительно, если оно подвигает человека к активным действиям при уважительном отношении к другим людям: «„Самолюбие – не порок, а скорее добродетель, если сопровождается усердием и великодушием”, – пояснил Малиновский» (1886) <В. Авенариус>.

II. Иная концепция самолюбия представлена в русской народной (крестьянской) языковой традиции и реализована в семантике образований на *самолюб-* и контекстах к ним (по данным диалектных словарей). Гнездо слов на *самолюб-* в русских говорах весьма обширно, в него входят обозначения собственно черты характера (*самолюбство, самолюбие*), его носителя (*самолюб, самолюбей, самолюбник, самолюбок, самолюбка, самолюбимка, самолюбница*), совершаемого им действия (*самолюбничать*), свойства этого носителя (*самолюбый, самолюбимый, самолюбоватый, самолюбный, самолюбчатый*) (ЛКТЭ; Малеча 4: 19; СВГ 9: 89; СРНГ 36: 92–93; СРГС 4: 223; СРГК 5: 629; СГРСУ 5: 107; ЯОС 9: 8 и др.). Широта гнезда (как в лексико-словообразовательном, так и в лингвогеографическом плане) говорит о том, что его элементы не являются для говоров искусственными, чуждыми, заимствованными из литературного языка. Это явно внутридиалектное образование². Аналогичные гнезда есть и в диалектах близкородственных языков, ср., к примеру, блр. *самалюбец, самалюбимка, самалюбимец, самалюбца, самалюбка* (ЧТС: 264).

Анализ словарных дефиниций и контекстов позволяет выявить черты, которые приписываются самолюбцу.

Он себялюбив, эгоистичен, ценит только себя, заботится о себе: р. Урал «Он самолюбник, себя только любит» (Малеча 4: 19); карел. «Ведь она самолюбка, себя пуще всех любит», «Этот такой самолюбный, большого мнения о себе», «Самолюбоватый человек, сам себя только любит. У нас в деревне много самолюбоватых» (СРГК 5: 629).

Он следует своим желаниям, прихотям, избалован: карел. «Она дочку свою дрович, балует, ох испортит, надрочит она ее на свою голову, самолюбка будет» (СРГК 5: 629); ср. арх. *самолюбкой* ‘имея собственное желание’: «Он это всё самолюбкой посмотрел, где и научился» (СРГК 5: 629).

² Об этом свидетельствует и словообразовательный омоним – арх. *самолюбой* ‘любой, какой угодно’ (СРНГ 36: 93).

Он крайне болезненно относится к чужому мнению о себе: ср.-урал. «Ох и самолюбной он, не потерпит, штобы хто-то про ево худо сказал», «Баба-та самолюбна. Не дай бог, ежели услышит чё плохо о сибе» (СРГСУ 5: 107).

Он не идет на компромиссы, не слушает других, не считается с ними, игнорирует их, перечит им, делает все по-своему, своеправен и злобен: арх. «Теперь-то самолюбство, ни отца, ни матери не слушают» (СРНГ 36: 93); костр. «Самолуб – не переговоришь его, всё равно своё тмит», «Самолуб – это который не послушает. Он слышит, а сделает всё по-своему. Сам себя только любит и свою работу ценит» (ЛКТЭ); сиб. «Ишь какой самолюбный, ни с кем не считается» (СРНГ 36: 93); карел. «Маша самолюбка, когда себя любит, всё токо рядится», «Самолюбная старуха – как не её, зашумит», влг. «Ненавистный человек, любит самого себя, самолюбимец», карел. «Вредные какие самолюбоваты. Ему б жилось, а вы как хотите пропадайте» (СРГК 5: 629); ср. также ср.-урал. *самолюбничать* 'сопротивляться, упрямиться, упираться': «Вот нащнём здорить <спорить>: друг с друга одёжу стаскивать, самолюбничать там или щё, сразу: „Эй, вас щё тут взяло?“ Ежели что не послушашь, сразу на плётку: „Это щё?“ Сразу всё, концашь <об отце и детях>» (ДЭИС).

Он высокомерен, заносчив: карел. «Самолубский <спесивый, заносчивый> народ против прежнего, и завидось есть» (СРГК 5: 629), ср.-урал. «Самолубничает, зазнаистый какой, нас за людей не считает» (ДЭИС). Ср. в украинских и белорусских говорах: блр. «Самалубец такі, не падступішся да яго» (СПЗБ 4: 360), укр. «Не говорит' ни с ким самол'уб» (Аркушин 2: 134).

Он не способен помогать другим: омск. «Самолубство кругом, сельсовет это в ума не берет, как помочь человеку» (СРГС 4: 223); костр. «Самолуб – это кто не заботится о других» (ЛКТЭ).

В его действиях стремление к собственной выгоде имеет следствием полный произвол, беззаконие: арх. «Раньше было много самолюбия-то <произвола>. Вот захотят, дадут вина кому-то, вот на семью и не дадут полного надела» (СРГК 5: 629).

Он стяжатель: карел. «Если самолюбец был, он всё тянул себе, любил себя» (СРГК 5: 629), перм. «Он уж шибко самолюбник: только себя любит, всё себе домой тащит» (СПГ 2: 315).

Он нелюдим, обособляет себя от общества, стремится отдельно жить: костр. «Нелюдимку такого самолюбом называли» (ЛКТЭ); новосиб. «Они каки-то особы, самолюбные, живут сами по себе» (СРГС 4: 223).

Он имеет особый, отдельный от других режим питания – ест отдельно: костр. «Самолюбые нынче детки, берут конфетки, едят поволоча <между приемами пищи>, мы и хлеба не схватим (ЛКТЭ)»; арх. «С робятами да с женой отдельно ел, то не старOVER, а самолюбок, а у нас все совместно» (СРНГ 36: 93); стряпает то, что хочет сам: перм. «На домашке <при ведении домашнего хозяйства> самолюбничают, стряпают чё-нинабудь, делают чё хочут» (СРНГ 36: 93); проявляет брезгливость, избирательность в еде: костр. «Самолуб не ест – выбирает, брезгует. Если то не хочу и этого не хочу – у нас скажут *самолуб*» (ЛКТЭ).

Особо выделена **женщина**, являющаяся носителем самолюбия: свердл., перм. *самолубница* (СГРСУ 5: 107; СРНГ 36: 93), костр., яросл. *самолубимка* ‘самолюбивая женщина’ (ЯОС 9: 8; СРНГ 36: 92), влад., горьк., моск., орл., яросл. *самолубка* ‘себялюбивая женщина’: «Она самолюбка страшная» (яросл.); «Уж дочь у нее такая самолюбка была, токо себя любила. Самолюбка невестка у меня, никого не слушает, что ни скажи, все по-своему делает» (моск.) (СРНГ 36: 92–93). Интересно, что в литературном языке картина несколько иная: выражение *мужское самолубие* маркировано гораздо ярче, чем *женское*³. Это объясняется общей концепцией самолюбия: раз в значении слова в литературном языке акцент ставится на деятельностной природе этого качества, то носителем его является в первую очередь мужчина. В говорах же подчеркивается антиобщественный характер самолюбия, а такие антиобщественные свойства, как капризность, взбалмошность и проч., в первую очередь приписываются женщинам. Эта «капризная» нота в семантике поддерживается приравнением *самолубия* к *своенравию*, что подтверждается контекстной синонимией этих слов: том. «Самондравный <своенравный> человек, когда он самолюбный» (СРНГ 36: 93). Применительно к литературному языку исследователи не включают *своенравие* в ряд синонимов *самолубия*; в говорах же эти слова, по сути, тождественны, ср. петерб., краснояр. *самондрáвец* ‘себялюбивый человек’: «Вишь, самондрáвец какой, всё об себе только» (петерб.), «Самондрáвец – это как наш Серёжка, себя шибко любит» (краснояр.), иван., костр., яросл. *самондрáвка* ‘своенравная женщина’, *самондрáвный* влг., арх., мурман. моск., ряз., урал., зап., юж.-сиб., краснояр. ‘своенравный’: «Кто самондравный, тот любит по-своему делать,

³ Так, в составе (НКРЯ) на 10 случаев употребления сочетания *женское самолубие* приходится 30 *мужских самолубий*, ср.: «Сталин применял низменные приемы, стремясь ущемить мужское самолубие Молотова» (1971) <Н. Хрущев>; «Его мужское самолубие было оскорблено, и он уже заранее примирился с Метой» (1902) <К. Станюкович> etc.

никого не слушает», краснояр. 'себялюбивый': «Самондравный сам себя любит, а люди ему все нехорошие» (СРНГ 36: 94). Еще одним контекстным синонимом является перм., коми, арх. *своено́сый* 'своевольный, своенравный', 'упрямый': «Вот, вишь, в России народ тяжолый, своеносый – самолюбый, упрямый» (арх.) (СРНГ 36: 312–313); ср. еще контексты: коми «Вишь, надумалсе брат: в оной рубашке хотел уйти, такой своеносой», «Ницего жонка, только уж беда своёноса: мужык говорит, не послушат, на свой нос напрёт, цего ей нать!», «Оболокись живо, своёноса!» (СРГНП 2: 255–256). Наконец, в числе контекстных синонимов костр. *само́тный* 'высокомерный, самолюбивый': «Самотный, самолюбивый парень, за людей нас не считает» (ЛКТЭ); ср. также бурят. «Поднял нос кверху и ходит самотный такой, гордый. Рядом с нами начальник почты в ряд жил, дак вот он самотный и был» (СРНГ 36: 107).

Негативное восприятие самолюбия проявляется и на уровне словообразования: к основе *самолюб* – может добавляться уничижительный суффикс *-ишиж*: томск. *самолюбиишка* 'самолюбивый человек': «Председатель — самолюбиишка ён» (СРГС 4: 223).

Случай, когда *самолюбю* приписывается скорее положительный смысл, очень редки. Лишь в одном из диалектных контекстов реализуется общая с литературным языком смысловая валентность, приравнивающая *самолюбие* к *самоуважению*, ср. арх. *самолюбство* 'гордость, самоуважение': «Саша от самолюбства и пошел в совхоз работать» (СРНГ 36: 93). В другом случае положительный смысл связан с трактовкой *самолюбия* как личной свободы: арх. *самолюбие* 'свобода, самостоятельность': «К детям не хочу ехать, самолюбия не будет» (СРГК 5: 629).

Таким образом, самолюбие в народной традиции гораздо в большей степени «социализовано», нежели в «городской культуре». Самолюбие отождествляется с эгоизмом, себялюбием. За ним стоит своеволие, неумение жить в обществе. Не акцентируется вообще деятельностная природа самолюбия, его способность подвигать человека на общественно значимые поступки. Самолюбие в крестьянской картине мира может подстрекать только к деятельности негативного плана. У него есть внешние вызывающие или «антиобщественные» поведенческие проявления, связанные с произволом, самоволием, подчинением собственным прихотям: человек перечит другим, стремится сделать назло, «выпендривается», не помогает и проч. Слова *самолюб*, *самолюбец* употребляются с эпитетами *страшный*, *ненавистный* и др. В литературном языке самолюбие трактуется скорее как личностное свойство.

В редких случаях оно приписывается целому сообществу людей, коллективу. В диалектных контекстах это происходит гораздо чаще, ср. томск. «Самолюбчатый <самолюбивый, эгоистичный> народ в Спасе» (СРГС 4: 223), влг. «Самолюбный народ сейчас, сам себе только» (СВГ 9: 89), новг. «Самолюбимый <гордый, самолюбивый> народ по Волхову» (СРНГ 36: 93). Это еще раз говорит об общественной значимости и оценке самолюбия.

Показательно, что негативная маркировка самолюбия проникает и в такую частную сферу, как особенности приема пищи: самолюбец, как было показано выше, питается отдельно от других, избирателен в еде, готовит то, что хочет сам. Пищевые характеристики самолюбцев кажутся случайными, но это не так. Нам приходилось изучать смысловые особенности лексики, обозначающей нарушения режима питания, что позволило прийти к выводу о том, что в крестьянской картине мира «регламентация приема пищи не является „личным делом“ человека; нарушение порядка в еде становится важным сигналом асоциального поведения (питающийся не вовремя ставит себя вне законов традиционного общежития – а затем закономерно обнаруживаются более опасные в социальном плане черты) и рассматривается как вызов, который человек бросает обществу» (Березович 2007: 33). Контексты к словам гнезда *самолюб-* дают возможность сделать аналогичные выводы: пищевое поведение дает яркие социально значимые сигналы, которые позволяют «опознать» самолюбца.

Итак, идея самолюбия втягивает в себя такие смыслы, как индивидуализм, сепаратизм, своеволие, стяжательство, – базовые антиценности для крестьянского сообщества.

III. Наконец, обратимся к еще одному социокультурному языковому пласту – **современному языку рекламы** и связанному с ним **молодежному дискурсу**. В рекламе насаждается идеология любви к себе как положительной ценности. Отсюда у слова *самолюбие* в течение последнего десятилетия начинают просматриваться смысловые оттенки, утверждающие потребность человека в саморекламе, внешней демонстрации своего успеха, связанного, как правило, со сферой накопления и потребления.

В дискурсе рекламы и СМИ с 90-х годов все более и более настойчиво звучит тезис о любви к себе как залого правильной и успешной жизни. Ср., к примеру, слоган «Твое тело говорит: *Люби себя!*», звучащий в бестселлере Лиз Бурбо «Слушай свое тело». Этот слоган (и ему подобные) сначала был лейтмотивом текстов, рекламирующих, так сказать, средства для красоты тела, но затем он стал распространяться все

шире и шире – и сейчас внедрен повсюду (даже реклама газовых и пороховых инструментов проходит под лозунгом «Любим себя и ценим»). Об особой выделенности слогана «Люби себя» говорит проникновение его в ономастику: салоны красоты *Люби себя* (Уфа, Томск), *Любите себя* (Киев), салон-парикмахерская *Люби себя* (Чехов), магазин ароматехнологий *Люби себя* (Екатеринбург), магазин *Для себя, любимой* (Казань), интернет-магазин *Для себя, любимых* (Екатеринбург) и проч. Деятельность таких заведений обставлена девизами вроде: «Любить себя можно и нужно. Мастера нашего салона научат Вас любить себя», «Любите себя – будьте красивы», «Любовь к себе – это роман на всю жизнь», «Предлагаем тем, кто в себе души не чаёт, несколько способов сделать общение с собой еще более захватывающим <далее о губной помаде>».

Этот лозунг не встраивается в дискурс большинства представителей старшего поколения носителей русского языка. Он воспринимается с неприятием, раздраженно и иронично. Так, артистка Ия Саввина, относящаяся к поколению интеллигентов-«шестидесятников», в ответ на комплимент поклонницы относительно ее актерского таланта, вспомнила сцену из замечательной пьесы Е. Шварца «Два клена». Работница Василиса спрашивает Бабу-Ягу: «Любишь себя?» Та отвечает: «Я себя, лапочку, не просто люблю. Я в себе, голубке, души не чаю». Ия Саввина комментирует: «Это, конечно, юмор, вы понимаете. Если б я так себя ощущала, я б давно умерла как актриса» (2007) <телепередача «Линия жизни», канал «Культура»>. В текстах русской литературы «дорекламного» периода жизни страны очень редко встречался тезис о любви к себе – наоборот, чаще говорилось *не люблю себя*: «Никто не знает, как я не люблю себя в моих поэмах, начиная с „Каникул”» (1971–1990) <Д. Самойлов>; «Я не люблю себя такой, Не нравлюсь я себе, не нравлюсь!» (1978) <В. Конецкий>; «[Тригорин] Я не люблю себя как писателя. Хуже всего, что я в каком-то чаду и часто не понимаю, что я пишу...» (1896) <А. Чехов>; «Любя их, я не могу любить себя, но любовь к ним примиряет меня с самим собой, какой я есть, – временно, конечно» (1997) <А. Пятигорский>; «Я люблю другого, но не могу любить себя, другой любит меня, но себя не любит; каждый прав на своем месте, и не субъективно, а ответственно прав» (1920–1921) <М. Бахтин>. Нелюбовь к себе утверждалась как нравственная норма, залог самосовершенствования: «Для того, чтобы точно, не на словах быть в состоянии любить других, надо не любить себя – тоже не на словах, а на деле» (1891) <Л. Толстой>. Любить себя – это недостойно, это непонятно, это странно, это скучно: «Можно отнестись к проблеме спор-

тивно: делать утреннюю гимнастику, переходить к водным процедурам, совершать перед сном длительные прогулки, дышать по системе йогов, голодать раз в неделю. Но для того, чтобы так жить, надо очень сильно любить себя. Мне это скучно» (1964–1994) <В. Токарева>; «Люблю ли себя? Нет, а может быть, да: мне это непонятно и недоступно, как вера в Бога. Зубы у меня плохи, и очень я неряшлив, ноги отличные, руки слабы, а то, что называется талант, – это не я, это сила моей тяготы к миру, выражение моего интереса. . . Правда, вот чудного, как подумаешь об этом, как это можно любить себя. Я люблю себя мальчиком, но это чувство как-то переходит в сына, во всяком случае, это уже кончено, это не я, есть некоторые поступки, есть написанные вещи, которые я тоже люблю, но это опять уже не я» (1925) <М. Пришвин>. Более того, на любовь к себе мог накладываться нравственный запрет: «Тебе тяжело, да, но нельзя так любить себя! Нельзя себя настраивать, что ты одна страдальца в целом мире. Может быть, другие пережили гораздо больше, чем ты. Задумайся» (1968) <А. Солженицын>. Предпринимались попытки так толковать любовь к себе, чтобы найти ей нравственное оправдание. Оно могло быть в том, чтобы предъявлять к себе высокие требования: «Любить себя – значит быть требовательным к себе» (1973) <В. Леви>. Такая любовь предполагает нравственное совершенствование, о котором много думал Л. Толстой: «Дело только в том, что любить в себе: свою душу или свое тело» (1910). Для него ответ на этот вопрос был прозрачен.

В «старой» русской культуре отмечалось существенное расхождение между *самолюбием* и *любовью к себе*. Производящее словосочетание и производное слово далеко разошлись в смысловом плане. Попытки соотнести их встречаются нечасто, преимущественно в текстах XVIII и XIX вв.: «...известно есть, что самолюбие на многое зло нас приводит, а понеже бог злу противный, то как может оный божественным именоваться? Ответ. Я вам не просто самолюбие сказал, но любить себя с разумом, то есть прилежать ко снисканию истиннаго, а не притворнаго благополучия, а не давать воли неправильному и непорядочному желанию» (1733) <В. Татищев>; «Самолюбие, например, и эгоизм часто смешиваются один с другим, хотя, по мнению моему, оба сии порока имеют свои собственные, совершенно отличные черты и производят разные действия, а потому должны подлежать особенному разделению. <...> Любить себя до некоторой степени позволено и должно; но ставить себя выше ближнего, считать себя лучшим и совершеннейшим, унижая, пренебрегая и презирая других без основания, – вот самолюбие, о котором я говорю!» (1828) <А. Погорельский>; «Самолюбивый

человек тот, кто мнением других о себе дорожит больше, чем своим собственным. Итак, быть самолюбивым значит любить себя больше, чем других, и уважать других больше, чем себя» (1889–1892) <В. Ключевский>.

В новом дискурсе происходит сближение частотнейшего *любить себя* и *самолюбия*. Это сближение, при наличии всех предпосылок, все-таки можно было бы оценивать как маловероятное, поскольку на предыдущем этапе языкового развития значения слов *самолюбие*, *самолюбивый* и выражения *любить себя* разошлись весьма существенно. Надо учитывать еще одно обстоятельство. *Самолюбие* – очень «фразеологизированное» слово, имеющее жестко заданную сочетаемость как с атрибутами, так и с предикатами (*задеть*, *оскорбить*, *унизить*, *льстит* и проч., см. НОСС: 292–297), что мешает ему употребляться в новых контекстах. Тем не менее такие контексты появляются, фиксируя новые оттенки в значении слов *самолюбие* и *самолюбивый*. Последнее в рекламных текстах может означать ‘заботящийся о себе’, причем в идеологии общества потребления.

Яркий пример – рекламная кампания финской водки «Saïmaa», ребрендинг которой провело российское агентство «Runway Branding». В рекламе этой водки *самолюбивый* является ключевым словом: «Потребление водки „Saïmaa” должно демонстрировать, что человек самолюбив, деятелен и обладает хорошим вкусом»; «В России сделали водку для самолюбивых <...> Новая эстетика водки „Saïmaa” – это культура потребления внутри целого мира образов и символов. Новая эстетика создает идиллический мир водки „Saïmaa”, характерными чертами которого являются общее сдержанное настроение, аристократизм и холодность визуального ряда» (ИС). Смысл рекламы: наша водка для богатых людей, которые любят и ценят себя.

Есть и другие свидетельства того, что слова *самолюбивый* и *самолюбие* подвергаются влиянию слогана *люби себя*, вследствие чего формируется их новый смысл. Автор одного из текстов самопрезентаций на сайте знакомств рассуждает так: «Что нужно сделать <чтобы стать любимой>? – Выспаться, поменять работу, вытряхнуть из постели ненужное, заняться своей красотой, своей слабостью, подчеркнуть уникальность; попробуйте начать с самолюбия – любовь вас заметит, она не ест все подряд – гурманка» (ИС). Как и в предыдущем тексте, *самолюбие* здесь подается как забота о себе, о своем благе и успехе. Вообще, *самолюбие* – не случайный «гость» в текстах современных брачных объявлений, оно вписывается в «джентльменский набор» успешного человека: «Обаятельная, привлекательная, самолюбивая, обеспеченная, а что ещё

надо»; «Обеспечен, самолюбив, самодостаточен, не пью, не курю, матом ругаюсь, сексом занимаюсь» (ИС). Показательно, что в последнем контексте рядом стоят слова *самолюбив* и *самодостаточен*: они рисуют, так сказать, установку и ее результат. *Самолюбив* – значит, ценит себя, главным образом, свою возможность добиться успеха и материального благополучия; *самодостаточен* – значит, добился материальной независимости и состоятельности (о новой «коммерческой» составляющей в семантике этого слова, которая в последние годы проявляется в рекламном и «брачном» дискурсе, см. в Березович 2011: 128–129⁴).

Вот как рисуются *самолюбивые* в текстах, извлеченных из различных сайтов и газет рекламно-«глянцевого» характера, в которых представлены, так сказать, социально-психологические типы современных людей: «Если парень тебе понравился, ты его заарканишь! Ты очень привлекательна и самолюбива. Знаешь себе цену. Иногда ты включаешь свой шарм на полную катушку – и становишься неотразимой! Но можешь и резко оттолкнуть... Ты сама выбираешь парня и ведешь с ним свою игру. Это очень увлекательно!»; «Очень красив, хорошо сложен, очень самолюбив. В постели хорош! Мачо! Может быть как совладельцем какой-нибудь фирмы, так и барменом или менеджером. Шмотки от дизайнеров, загар, белозубая улыбка. Авто – либо большой джип, либо спортивная машина. Себя любит, холит и лелеет. В понедельник хоккей, во вторник футбол, в среду фитнес, в четверг горные лыжи, в пятницу баня, в субботу секс, в воскресенье шопинг. Выбирает исключительно красивых стройных спортивных девушек»; «Каблук или шпилька, высотой более 7 см. Обладательницы такой обуви самолюбивы, привлекательны, хотят чтобы их заметили. Такую обувь никогда не оденет скромница» и т. п. Подобные перечислительные ряды встречаются и в текстах современного литературного «ширпотреба», ср. контекст из романа с говорящим названием «VIP значит вампир»: «Холеная, самолюбивая, одетая с иголочки Ангелина – и нелепый Однорог в семейных трусах» <Ю. Набокова>.

Разумеется, еще рано говорить о новом «рекламно-потребительском» значении слова *самолюбие* в русском языке. Соответствующий дискурс нельзя считать сформированным. Но все же показательно «переключение регистров»: слово *самолюбие* не употребляется в кон-

⁴ Так, новая семантика *самодостаточности* с ноткой «материальной состоятельности» сквозит в текстах брачных объявлений типа: «Она самодостаточная, она зарабатывает уже много»; «Красивый отец для зачатия ребенка. Нужна позитивная самодостаточная девушка с собственной жилплощадью»; «Валера, 27 лет, самодостаточный, менеджер в крупной фирме, хочет познакомиться...» etc.

текстах, описывающих морально-волевою сторону жизни; нет рефлексии относительно способности самолюбия подвигать людей на высокие поступки, – но оно внедряется в контексты, описывающие область материального благополучия и успеха. В этих контекстах *самолюбивый* – тот, кто высоко себя ценит, будучи взыскательным в «материально-прагматической» стороне жизни. Это обеспеченный потребитель, который может ценить себя, со вкусом ухаживать за собой, добиваться хорошей партии etc. Подобные изменения случились со словом *достойный*, которое принадлежит близкому к *самолюбию* гнезду: это слово получило в рекламном дискурсе значение ‘обеспечивающий хороший уровень жизни’ (см. об этом в Вепрева, Купина 2007). Популярнейший рекламный слоган «Ты этого достоин (достойна), не правда ли?» основан на специфической пресуппозиции: он предполагает оценку вовсе не высоких морально-нравственных, интеллектуальных, профессиональных качеств человека, а его незаурядных потребительских возможностей. В этом контексте «новое самолюбие» оценивается однозначно положительно; семьи, создававшие возможность амбивалентной оценки (отражающие представления о затрудненных контактах самолюбивого человека с окружающими), затушевываются, не получают контекстной актуализации.

* * *

Итак, история рус. *самолюбие* демонстрирует существенные социо-хронологические сдвиги в оценочном наполнении слова. Этот вывод опровергает изложенные в начале статьи априорные предположения о семантической стабильности *самолюбия*. После осуществления анализа можно говорить, что названные «факторы стабильности» (обращенность феномена самолюбия к человеку *per ipsam* – казалось бы, вне социокультурного контекста – и прозрачная внутренняя форма соответствующего слова), если и сработали, то смогли, вероятно, лишь слегка уменьшить амплитуду смысловых изменений и оценок, но не смогли эти изменения предотвратить. Аксиологическая природа этого концепта диктует его тесную связь с социальной жизнью. «Уроки самолюбия» говорят о необходимости тщательного учета социальной и исторической обусловленности ценностной лексики в ходе этнолингвистического исследования.

Литература

- Аркушин Г. Л., 2000, *Словник західнополіських говірок*, т. 1–2, Луцьк.
- Березович Е. Л., 2007, *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*, Москва.
- Березович Е. Л., 2011, *Динамика русской аксиологической картины мира в лексическом отражении (от «советских» ценностей к «постперестроечным»)*, „Etnolingwistyka” 23, s. 121–136.
- Ведрева И. Т., Купина Н. А., 2007, *Актуальное слово дня: достойная жизнь*, [в:] *Русский язык за рубежом*, № 3, Москва, с. 90–93.
- ДЭИС – *Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала*, авторы-составители О. В. Востриков, В. В. Лишина; Свердловский областной Дом фольклора; кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ. Екатеринбург: «Баско», 2009 [Электронное издание].
- ЛКТЭ – *лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета* (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Малеча Н. М., 2002–2003, *Словарь говоров уральских (яицких) казаков*, т. 1–4, Оренбург.
- НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*, электронный ресурс, <http://ruscorpora.ru>
- НОСС – *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, 2-е изд., исправл. и доп., под общим рук-вом акад. Ю. Д. Апресяна, Москва–Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
- Ожегов С. И. (сост.), 1953, *Словарь русского языка*, под общ. ред. акад. С. П. Обнорского, 3-е изд. Москва.
- Санников А. В., 2006, *Понятия достоинства и смирения*, [в:] *Языковая картина мира и системная лексикография*, отв. ред. Ю. Д. Апресян, Москва, с. 405–470.
- САР – *Словарь Академии Российской*, т. 1–6, (1789–1794), Москва 2001–2005.
- СВГ – *Словарь вологодских говоров*, Вологда 1983–2007, Вып. 1–12.
- СГРС – *Словарь говоров Русского Севера*, т. 1–, Екатеринбург 2001–.
- СПЗБ – *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча*, т. 1–5, Мінск 1978–1986.
- СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, Санкт-Петербург 1994–2005, Вып. 1–6.
- СРГС – *Словарь русских говоров Сибири*, т. 1–5, Новосибирск 1999–2006.
- СРГСУ – *Словарь русских говоров Среднего Урала*, т. 1–7, Свердловск 1964–1987.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, Москва–Ленинград 1965–, Вып. 1–.
- ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*, т. 1–17, Москва–Ленинград 1948–1965.
- Ушаков Д. Н. (ред.), 1935–1940, *Толковый словарь русского языка*, т. 1–4, Москва.
- ЧТС – *Чалавек: Тэматычны слоўнік*, Мінск 2006.
- ЯОС – *Ярославский областной словарь*, Ярославль 1981–1991, вып. 1–10.

HOW EVALUATION OF VALUES CHANGES
(WITH REFERENCE TO RUS. САМОЛЮБИЕ)

With reference to the evaluative component in the meaning of the word *самолюбие* 'self-esteem', the author analyzes the development of axiological concepts in time, space and society. The article deals with the different interpretations of the meaning of this word in the literary language dictionaries of the 18th–21st centuries. There is a clear tendency towards improving of the perception of *самолюбие* from defining it as a vice (at the end of 18th century) to understanding it as a proper sense of one's own dignity (at the end of 20th century). The article considers the changes in the word meaning in the opposing language layers – dialects and the language of advertising: while in dialects *самолюбие* is viewed entirely negatively, in the language of advertising it gets positive evaluation (a person with high self-esteem has a sense of his own value and is demanding in the pragmatic sphere of life).

KEY WORDS: values, language of advertizing, traditional Russian culture, love of oneself